

А. Монастырский

**Хождение по тимиразевским могилам по указанию призрака студента
Ивана Иванова**

(Предисловие к 12 тому "Поездок за город")

Смысл всех последних акций КД (и не одно десятилетие уже) - только в поддержании самого "путешествия", пути, в продолжении мифа группы. Отдельно, сами по себе эти акции не имеют никакого значения.

В 70-е годы для моего творческо-эстетического самоощущения (его комфорта, интереса) важны были три работы Кабакова: "Бердянская коса" (1970), "По краю" (1974) и альбом "Пирамида" (1978). Эти формалистические работы, затрагивающие фундаментальные эстетические блоки, такие как "рама и изображение", "край и центр" и т.д., до сих пор остаются для меня актуальными ("висяками" - хаха!). У него есть и другие отличные работы, но камертон пути в моем его понимании и экзистенциальном переживании был запущен именно этими тремя вещами. Они как бы организовали путь, дорогу мифа, ее обочины, маршрут и саму возможность развертывания ряда, все остальное, то, что было дальше в этом ряду - это просто движение по пути с разного рода встречами на нем, интересными или не очень, не важно.

У Кабакова есть и до этих работ, и после очень интересные и сильные вещи, но лично для меня именно те три работы являются и всегда были "направляющими", задающими тон, значимый и для моего творчества тоже. Великолепные (для меня) работы, сделанные до "Бердянской косы" - это "Автомат и цыплята" (1966) и "Диван-картина" (1967), работы после 78 года - это "Крылья защищают белое от трещины" (1978), серия Картин-объяснений (текстовых, 80 -84 гг, куда входит и "Виноватая?" 1982), "жэковская" серия "Четыре столпа", с открытками (1983), инсталляция "Человек, улетевший в космос" 1983, инсталляция "Вверх" 1986 (с белыми человечками), картины для инсталляции "Три ночи" 1988 (особенно № 3), серия картин 1989 года с "наползающей" на изображение одеждой и картина "Автобусное

расписание" 1989 (с белыми курами), Триптих 1999 года "Шарль Розенталь "Урожай прибыл"" и другие работы из этой серии белых холстов с карандашными рисунками в ящиках, "Вертикальные картины" № 10 и № 12 2012 года. (Надо сказать, что сам прием повторов ранних работ от лица вымышленных художников 30-х и далее годов, с "подрисованными символами преисподней" в литературном смысле очень интересен, но в собственно эстетическом впечатлении на меня не произвел - что, по замыслу автора, скорее всего и должно было произойти, эта "непроизводность", невозможность "выведения из потаенного" прошлого).

Есть ли у меня такие работы, которые до сих пор важны для меня? Странно, но для меня важны акционные объекты "Пушка" 1975, "Палец" 1977 и "Дыхалка" 1977, которые объективного, общезначимого смысла в себе не несут. А вот работа "Куча" 1975 года, которая для меня не так важна, напротив, уже не один раз воссоздавалась на разных выставках, то есть имеет объективное, внешнее значение жанрообразующей работы - прото-инсталляция, прото-акция, прото-идеология "Все- мусор", которая позже разрабатывалась Кабаковым через фигуру персонажа, "который ничего не выбрасывал" и т.д.

Акционный объект "Палец" слишком сложен (несмотря на свою внешнюю простоту и минималистичность) в семантическом смысле. С точки зрения субъектно-объектной модели акта восприятия, через "Палец" происходит объективация субъекта (зрителя, использующего этот гаджет), он становится сам для себя объектом восприятия, а коробка "Пальца" - только устройством для акта феноменологической редукции привычного объекта-произведения с одной стороны, с другой - ее механизм выстраивает новый, чисто умозрительный субъектно-объектный уровень второго порядка, новую модель, позицию наблюдения-созерцания: зритель раздваивается для самого себя ("раздвоение личности" - хаха), и понимание-переживание этого "раздвоения" возможно только с третьей стороны, с площадки наблюдения "третьего уровня", не обладающего визуальностью, которая и возникает в этой акции с "Пальцем".

Можно и так сказать, что акция с объектом "Палец" (просовывание в него руки с указующим на себя пальцем) - это своего рода семантическое селфи: объективирующая субъект восприятия коробка "Пальца" выступает в роли фотоаппарата, точнее - видеорегистратора.

Но все это достаточно сложно и переживается сугубо индивидуально, в одиноком контакте с объектом, чтобы обрести черту всеобщей значимости, в отличие от простого жеста "Кучи", которая является социально "общим делом" (ее "кормления" и "выращивания").

У КД тоже есть три акции такого начального, фонового и камертонного (для меня) уровня - "Появление" (1976), "Лозунг-77" (1977) и "Время действия" (1978). Наиболее популярна акция "Лозунг-77", ее фотографию уже несколько раз брали как заставку в фб, использовали в блогах, в своих художественных проектах и т.п.

Вот эта бóльшая значимость (для меня исключительно) ранних работ и у Кабакова, и у КД, и у меня самого по сравнению с поздними можно объяснить следующим образом, продолжив интерпретацию объекта "Палец".

Там объект так устроен, что он как бы "втягивает" в себя субъект через его реальный палец, через указательный жест пальца на самого себя, т.е. сама коробка "Пальца" - это рама, фон для объективированного субъекта восприятия. Возникает новая субъектная позиция созерцания-восприятия внутри первой обычной (традиционной) субъектной позиции "на дистанции" ("смотрение на..."), с расстояния. В акции это расстояние уничтожается гаджетом "Пальца" и остается (возникает) только умозрительное "*внутреннее*" расстояние. "Проваливание во внутреннее" - это одновременно и погружение сознания в объемы-пространства накопленности текстов и опыта жизни (в прошлое, уход с горизонта реальности "здесь и теперь", с горизонта прямого восприятия и действия).

В начале пути (жизни, творчества), когда молодой человек активно воспринимает ВНЕШНЕЕ, весь внешний мир, он связан с ним многочисленными нитями восприятия и реагирует на него через колебания этих нитей, как паук в паутине (это все о творческом,

конечно, мире речь идет), он участвует в реальной жизни - ловит реальных мух, пеленает их, сосет и т.д. Потом, когда с возрастом этот "шар внутреннего" раздувается от количества "добытого" в виде текстов, произведений искусства, суждений и т.д., эти нити, связывающие его с внешним реальным миром, обрываются под тяжестью внутреннего "шара" и внутренняя полость, объем заменяет собой внешнее пространство реальности. Все дальнейшее в творческой жизни человека начинает происходить уже внутри этого раздутого шара "накопленности", в котором царствует не пространство, а время (причем чаще всего - тёмное). Так что гаджет "Пальца" можно рассматривать и как метафору опасного проваливания внутрь себя, как пограничный столб между внешним и внутренним. Вообще внешне этот объект напоминает скворешник, из которого "внутренне" может вылететь как райская птица "царства божия внутри нас", так и темные знаки преисподней.

И тут уже можно, чисто умозрительно повесив на дерево в Тимирязевском парке объект "Палец" в виде скворешника, перейти к последней акции, точнее к приложению к акции "Кашей бессмертных Коллективных действий", лично мне напоминающее компьютерную игру в жанре RPG.

В день "приложения" (прогулки в Тимирязевском саду по плану М. Сумниной и А. Кузькина с найденными Кузькиным яйцом и самописцем) я сначала поехал в магазин Букинист на Преображенском рынке и купил томик стихов Хераскова в синей Библиотеке поэта за 1000 рублей (цена здесь важна, поскольку на alib.ru он стоит от 2500 р до 4500 р, и я искал эту книгу - вместе с книгой Хемницера тоже в БП - не один месяц). Просматривая книгу в вагоне метро, я наткнулся на басню "Комар" и у меня возникла идея прочесть эту басню, стоя перед могилой Вильямса в Тимирязевском парке.

Встретившись у метро Дмитровская с Машей и Кузькиным, мы поехали в парк. Сначала мы там попали к сказочному (и одновременно техническому) домику, над единственным окном которого устройство с бегущей строкой показывало, кроме времени, некое значение 0.06 МЭД мкЗв/ч.

(В Москве я узнал, что это:

Измерение МЭД фотонного излучения $0,05 \leq 3$ МэВ в двух режимах работы — поиск и изменение.

Диапазон измерения:

мощности эквивалентной дозы, мкЗв/ч — 0,10–99,99;

мощности экспозиционной дозы, мР/ч — 0,01–9,999.

Здесь МЭД — мощность эквивалентной дозы в мкЗв/ч или мощность экспозиционной дозы в мкР/ч.)

Оттуда мы направились к могиле якобы академика Вильямса в южной части парка, недалеко от входа со стороны улицы Вучетича (напомню, что Институт кормов, которому принадлежит наше киевогорское поле, имени Вильямса). Но оказалось, что это могила сына академика, профессора Н. В. Вильямса. Он похоронен там в 1946 году (как я прочел потом в воспоминаниях его сына математика Н.Н. Вильямса, могила была тогда же вскоре разрыта и с покойника был украден костюм).

Я позвонил Даше, чтобы она посмотрела, где же находится могила старшего Вильямса, академика, она посмотрела в сети и сказала, что и его могила в Тимирязевском парке, в дендрологическом саду имени Шредера, но как там найти этот сад, мы не поняли.

Поскольку не было уверенности, что мы найдем правильную могилу, решили провести акцию-приложение здесь, на могиле сына. Сначала я прочел перед памятником басню Хераскова "Комар". Затем Кузькин водрузил красное яйцо (в виде фаберже на ножках) на вершину памятника-колонны, а желтую коробку с иглой

самописца завернул в черный полиэтиленовый пакет и засунул метрах в 15 от могилы на запад в раздвоение дерева на два ствола, замаскировав закладку сучьями и ветвями. Самописец-измеритель температуры в коробке был вполне себе действующий, на свежей батарейке, рассчитанный на работу в течение 75 суток.

После чего мы двинулись на север в поисках могилы академика, спрашивая по дороге, где находится дендрарий имени Шредера. Нас направили в сторону пруда (с гротом, в котором 21 ноября 1869 года произошло убийство студента Иванова Нечаевым - история, описанная в романе Достоевского "Бесы") и улицы Пасечной. Рядом с этой улицей, отделенной бетонным забором от парка, в самом парке находится маленькое красивое кладбище могил на 20 за низкой оградой, похожее на кладбище внутри Пятницкого кладбища со стелой Грановского, семейством Щепкиных и декабристами, фигурирующее в нашей акции "130" (<http://conceptualism.letov.ru/130/index.html>). На этом маленьком кладбище (в Тимирязевском парке) похоронены профессора и преподаватели сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. Среди них есть могила некоего Грицюка, на памятнике которого интересная надпись: «Прыжок — трансформатор энергии потока», могила профессора Худякова, который - по воспоминаниям внука Вильямса - был блестящий лектор и любимец студентов (он перед каждой лекцией выпивал стакан водки) и т.д. Но наиболее сильный "инсайт" у меня вызвала могила профессора Фортунатова А.Ф. в сочетании с находящейся рядом плитой с надписью "Академик Лисицын". Вот эти три буквы "Ф" у Фортунатова и рядом фамилия "Лисицын" (от "лиса") так сработали в текстовом "внутреннем" поле моего давно и тяжело катящегося "шара" (о котором я писал выше), что я тут же вспомнил известное и ничего не значащее выражение про лису: "Я лиса, я ничего не хочу, только фыр фыр фыр!".

Подходя ко рву, по которому протекает река Жабёнка (из пруда с гротом), на сарае я увидел надпись черными буквами "призрак".

И тут мы видим, по рву идет высокий молодой человек в черном пальто и черных очках. Мы у него спрашиваем, где находится дендрарий имени Шредера. Он говорит, - "подождите", поднимается со дна рва к нам и объясняет, что нужно идти по Пасечной улице на восток. Уже после этой прогулки у меня возник еще более дикий и глубокий инсайт с этим молодым человеком в контексте слова "призрак" на сарае и направлением, откуда он появился в нашем поле зрения (от того самого грота 18 века и пруда того же времени). Я метафоризировал его как призрак убитого Нечаевым студента Ивана Иванова (просто как текстовой отблеск на то событие, событийно-сюжетная аллитерация фоновых деталей нашего путешествия по парку).

19 век во все этой истории промелькнул фоном еще на самом мельчайшем уровне в сочетании трех букв: слово "РОВ" (по которому течет Жабенка и откуда появился "призрак студента Иванова") и инициалы американского основателя семейства Вильямсов, отца нашего академика инженера Роберта Оливера Вильямса - тоже "РОВ", который в 19 веке приехал из Америки строить Николаевскую железную дорогу (есть предание, что все мосты этой дороги построил он).

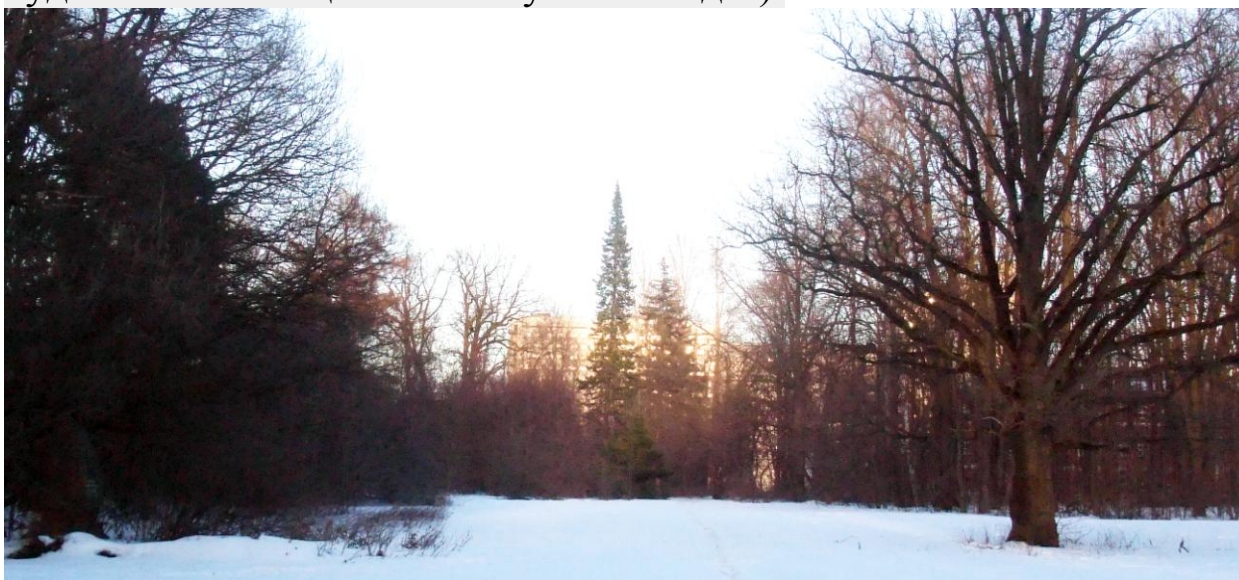
Итак, по Пасечной улице мы подошли к воротам Дендрария имени Шредера, они были заперты на замок, но есть кнопка дистанционного звонка. Появился сторож, мы сказали, что мы художники и нам нужно на могилу Вильямса - тут ли его могила? Он сказал - да, тут, и пустил нас. Прошли через снег метров 150 и подошли к могиле с барельефом нашего академика.

Там самое главное для меня впечатление, это что напротив могилы, метрах в 25-ти к востоку, на полянке стоит большой дуб.

Этот факт (и вид) дуба у могилы отлично вписался в сюжет со схемой защиты Кащей нашей акции "Кащей Бессмертный КД": - ведь ДУБ - первый уровень защиты на схеме, использованной в акции, - дуб, на котором висит сундук и т.д. А сам Вильямс (его портрет) - самый последний уровень защиты, на этой схеме он закрывает собой иглу, в случае поломки которой Кащей перестает быть Бессмертным.

То, что сторож так легко нас пустил на закрытую территорию, я могу объяснить тем, что мотивация "мы художники" (? - ну и что, не агрономы же и не ботаники!) "активировала" на бессознательном уровне фигуру племянника академика Вильямса - театрального (и довольно известного) художника Петра Вильямса ("родственники-художники навещают могилу почвовед").

(слева на фото могила Вильямса, справа - дуб)

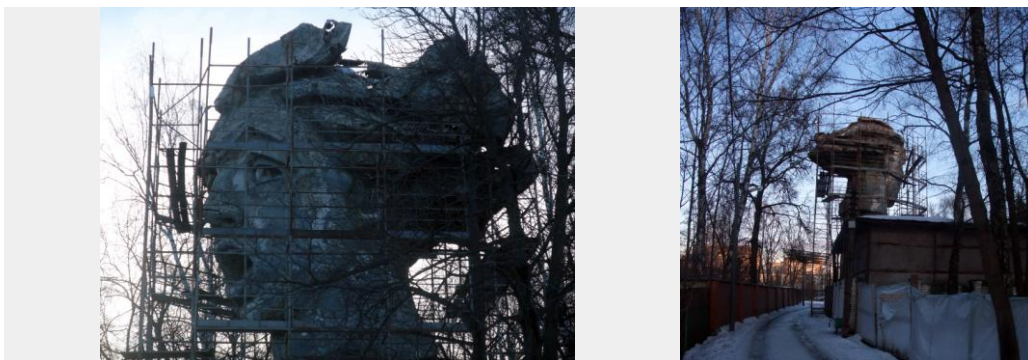
В принципе, именно на этой могиле я должен был по замыслу прочитать басню КОМАР Хераскова. Но она уже была прочитана мной на могиле сына Вильямса (последняя строчка этой басни звучит довольно странно: "Но бойся, злой язык, судьбины Комаровой" - "судбина Комарова" - это как женское имя-фамилия).

Я стал листать книжку стихов Хераскова, чтобы выбрать другой стих для чтения. В итоге остановился на стихотворении РАЗУМ и прочитал его (хотя сказал на камеру, что буду читать стих Хемницера почему-то, но в конце показываю обложку книги, где

ясно видно, что это Херасков). Наверняка мой выбор стихотворения был определен тем (на бессознательном уровне), что вся эта местность Тимирязевского парка, где мы находились, в 18 веке принадлежала графу К.Г. РАЗУМОВСКОМУ. Очевидно, что кроме 19 века, текстовый фон 18 века тоже был важен для нашего путешествия: Херасков, Разумовский, сам парк с гротом XVIII века, где в XIX-м был убит студент Иванов.

В итоге вся эта тема почвы, *земли*, профессоров и академиков-почвоведов-аграриев вывела нас на созерцание впечатляющей по размеру и гримасе огромного орущего рта гигантской головы от скульптуры Вучетича "Родина-мать" (*сыра земля...*) (бетонный макет в настоящую величину), которая возвышается над территорией деревянных домиков на улице Вучетича (точнее - Тимирязевская,33, мемориальная мастерская скульптора).

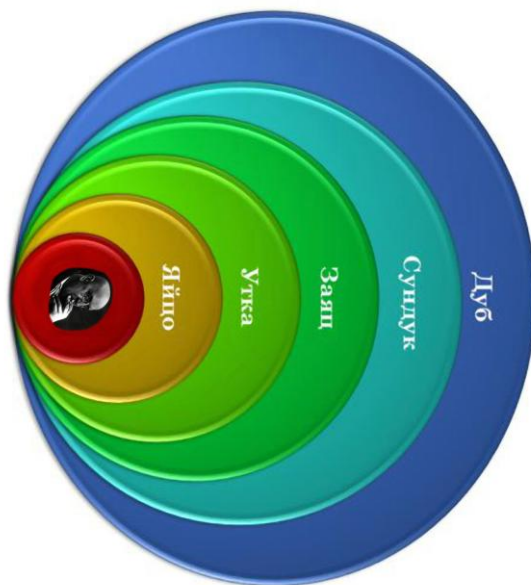

Подобного рода нагромождения деталей и символов, текстовых "инсайтов" и контекстов типичны для акций КД последних лет 20 как минимум и ясно, что все эти "событийные" ряды, в отличие от ранних минималистских акций, никто не помнит и не знает, они быстро забываются даже самими авторами - путешественниками по этим текстовым дорожкам в данном случае Тимирязевского парка. Они *незаметны* и недолговечны по сравнению с ранними акциями КД, хотя в них много чего напихано и часто не маленького размера (я имею в виду апроприированные в событийность акции экспозиционные предметы вроде этой гигантской головы Вучетича).

Эти акции, действительно, как компьютерные игры, где прежде всего важна категория *играбельности*, сам процесс игры, путешествия по увиденным мирам *внутри* катящегося шара....

1.03.2015.

PS

могила

дуб

Все-таки невероятно и загадочно это полное соответствие расположения реальной могилы Вильямса и дуба в дендрарии им. Шредера - нашей схеме защиты Касея, которая использовалась в акции! На могильной плите - портрет Вильямса именно такой, как на схеме и расположен он точно напротив дуба! Мы ведь понятия не имели об этом дендрарии с могилой и дубом перед ней! И то, что мы смогли проникнуть на эту закрытую (тем более зимой) территорию - тоже не так просто объяснить! ...